

Мольер на сцене народного театра

Леонид ГРОССМАН

КОГДА руководитель Парижского национального театра Жан Вилар вышел перед своим первым московским спектаклем на авансцену Малого театра и заговорил с волнением и любовью о дорогах для него именах Щепкина и Станиславского, мы сразу почувствовали по искренности тона и сценическому обаянию, что перед нами человек большой культуры.

И когда он передал в дар библиотеке старейшего русского театра собрание пьес, составляющих репертуар его коллектива — шедевры Корнелия, Мольера, Шекспира, Гюго, Мариво, Бомарше, Вертольда Брехта, мы поняли, какой разносторонний и смелый мастер сцены возглавляет национальный театр Франции.

«Дон-Жуан» — первый спектакль, показанный москвичам. Он поставлен без традиционных аксессуаров богатого, пышного, торжественного представления. Спектакль идет без занавеса, в черном бархате, сцена открыта для широких группировок. Внимание публики поглощено без остатка актером.

Такова школа Жана Вилара. Он прославился организацией больших театральных фестивалей в древнем Афиньоне, а в 1951 году создал постоянный всенародный театр в одном из огромнейших зданий Парижа — во дворце Шайо.

Театр принес своей аудитории высокие ценности театральной культуры. Это «Сид», «Скупой», «Ричард III», «Макбет», «Рюи Блаз», «Мария Тюдор», «Лорензаччо», «Смерть Дантона» и ряд других образцов мировой драматургии.

Исполнение и постановка этих знаменитых драм помогли театру выработать и свою поэтику. Его законами стали строгость отбора и добровольное самоограничение артиста, эмоциональный контакт между актером и зрителем.

Так организована и одна из лучших постановок Национально-популярного театра, которой и открылись его московские гастроли, — «Дон-Жуан» Мольера.

Образ порочного дворянина XVII века сохраняет в исполнении Вилара те сатирические черты, которые придал этому развращенному придворному творец «Тартюфа». Но еще глубже раскрыты исполнителем те начала свободомыслия, смелой критики и бесстрашного отрицания, которым горячо сочувствовал великий драматург-вольномыслица! Для материалиста Мольера его герой — прежде всего передовой мыслитель века, одаренный и бесстрашный, достойный прожить яркую и праздничную жизнь. И лишь из цензурных соображений судьба персонажа подводится под вивелир отсталых предрассудков узкой и затхлой касты.

Внешний облик нового Дон-Жуана прост и изящен. Никаких эспаньолок или выходящих буклей парика времен Людовика XIV (как это было обычно принято). Темные волосы подстрижены и гладки, чуть заметные ушки очерчивают насмешливый рот. Взгляд ироничен и дерзок, но в отдельные моменты он становится пытливым и вдумчивым. Легкие костюмы простого покроя предоставляют свобо-

ду движениям, бегу, фехтованию. Перед нами блестящий, смелый мыслитель, бросающий вызов «темному царству» своей жестокой эпохи.

В трактовке Вилара обличение распутного вельможи не заслоняет тех черт освободительной мысли раннего просвещения, рупором которой делает его Мольер.

В знаменитой сцене с кредитором артист блестяще демонстрирует дар красноречия, находчивости, остроумия — волю и ум Дон-Жуана. Беседы героя с Командором полны независимости и отваги: размахиваемое рукопожатие кажется оскорбительным ударом, нанесенным врагу.

Все это передано исполнителем с исключительным динамизмом и легкостью, с щедрым богатством интонаций, в свободном и смелом рисунке, раскрывающем в классическом образе близкие современному зрителю черты.

Весьма примечательны и другие актеры французского театра. Провосходен народный комизм Сганареля в исполнении Даниэля Сорано. В пьесе это простодушный оппонент Дон-Жуана, призванный официально отстаивать традиционные представления о морали. Но он не может все же замаскировать атеизм своего автора. Клерикалы XVII века возмущались Мольером, осмелившимся возложить защиту религии

на придурковатого лакея! Но на сцене «ТНР» выступает совершенно иной тип. Это живой ум и подлинный талант, вышедший из недр французского простонародья. Отличный комик труппы резко порывает с традицией нелепого «театрального слуги» и дает оригинальный и темпераментный образ ода-ренного и жизнерадостного крестьянина, сохраняющего в растленной дворянской среде свой здравый смысл и народный юмор. Артист Сорано обладает виртуозной техникой комического, передающей во всех оттенках его заразительную веселость.

Наиболее близок в спектакле к традициям классического французского театра образ жены Дон-Жуана — Эльвиры. Артистка Моник Шометт передает драму героини патетично и торжественно, но при этом с глубокой лирической эмоциональностью. Это особый напевный стиль декламации, обычно применяемый трагическими артистами Франции к стиху классицистов и романтиков. В данном случае этому закону подчинена драматическая проза. Но выступления Эльвиры настолько проникнуты гневом и отчаянием оскорбленной женщины, что ее прозаические монологи звучат в исполнении артистки как страстная поэтическая речь, ударяющая по сердцам и ув-

лекающая своей страдальческой интонацией. Голос артистки глубокий, сильный и гибкий. Ее последняя лирическая жалоба срывает гром аплодисментов.

Хороший образец галльского юмора показал артист Мулино в маленькой роли торговца Диманша. Это сочная жанровая зарисовка подбострастного буржуа деревенского Парижа. Выразительный исторический портрет рыцарственного отца Дон-Жуана живописно воссоздан Жоржем Вильсоном. Сцены с Командором (Филипп Нуаре) просты и трагичны.

Как должен трактовать современный театр мольеровских крестьян? Жан Вилар здесь склоняется к методу театральной условности, не стремясь к реалистическому воплощению народных типов французского XVII века. Но ведь это комедия-памфлет. Стилизованные «пейзажи» едва ли отвечают общему стилю спектакля с его раскрытием суровой правды чувств и человеческих отношений. Крестьянская группа — то есть Пьеро (Жан-Пьер Даррас), Шарлотта (Зани Кампан) и Матюрина (Кристиан Минаццолли) проводят свои сцены живо, бойко, с увлечением. Обе молодые артистки грациозны и пленительны. Есть интересные мизансцены в быстрых переломах этой рискованной игры в

любовь. Но в деревенских девушках феодального королевства ощущается все же нечто от фарфоровых па-стушек, что явно выходит за грани современного массового спектакля и воспринимается лишь как изящная интермедия иного стиля.

Художник театра Леон Гишиа в спектакле без декораций проявляет свое искусство преимущественно в костюмах и освещении. В обоих планах соблюдена сдержанность и лаконичность, свойственные стилю театра в целом. Ткани угашенного цвета предпочитают блистающим и ярким. Золото, пурпур, парча едва ощутимы.

Но на сплошной черноте бархата залитые ярким светом прожекторов фигуры актеров в светлых или блеклых тканях выступают отчетливо и пластично, сплетаясь в художественные узоры графической четкости и скульптурной выразительности. Отвесно падающие сильные световые лучи создают ощущение колоннады, окружающей портрет или склеп с мраморным Командором. Все это удачные и впечатляющие находки, отлично организующие сценическое зрелище.

Таков этот оригинальный и яркий мольеровский спектакль. Он полон неожиданных ходов и неотразимых открытий. Широко признанный массовой аудиторией Франции, он полюбился московскому зрителю, горячо выразившему свое восхищение исполнителям гениального комедиографа. Новыми, живыми красками заиграл бессмертный шедевр, издавна ставший событием и праздником в истории русского театра.

Пушкин назвал Мольера исполнителем. И таким именно воспринимает в наши дни одного из своих любимых мировых драматургов советский зритель на спектакле молодого театра французского народа.

НА СНИМКЕ: Матюрина — артистка КРИСТИАН МИНАЦЦОЛЛИ, Дон-Жуан — артист ЖАН ВИЛАР, Шарлотта — артистка ЗАНИ КАМПАНА.

Фото Г. КОРАБЕЛЬНИКОВА.